

Эшли ДЬЮАЛ

ОДИНОКИЕ ДУШИ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Д92

Серия «Виноваты звезды»
Дизайн обложки: Юлия Межова

Д92 **Дьюал, Эшли**
Одинокие души / Эшли Дьюал. — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 479 с. (Виноваты звезды).

ISBN 978-5-17-101133-8

Лия Бронская вынуждена жить со страшным дефектом сознания.

Амнезия беспощадно забирает целый год из памяти девушки: триста шестьдесят пять дней, переполненных какими-то событиями, эмоциями, просто-напросто исчезают, оставив после себя лишь пустоту, вопросы и боязнь одиночества. Смирившись с таким тяжелым диагнозом, Лия хочет продолжить жить дальше, прийти в себя и забыть о потере, но вместо этого она оказывается в эпицентре опасных событий, развернувшихся на окраине её города.

Подростковые самоубийства чередой кровавых дат, заполняют таблоиды газет, заголовки журналов. Несмотря на страх, девушке приходится провести собственное расследование, и так как от результатов будет зависеть жизнь её родной сестры, она берётся за дело незамедлительно.

Вскоре Лия понимает, что раскрытие тайн повлияет на её судьбу гораздо сильнее, чем она могла предположить.

Подписано в печать 25.10.16.
Формат 84 x 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 25,2.
Тираж экз. Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

© Эшли Дьюал, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2017

Свобода, бесстрашие, самоотверженность

*Нет никакого секрета жизни,
Просто продолжай идти.
Нет никакого секрета смерти,
Просто продолжай лететь.*

Глава 1 НАЧАЛО

Черета подростковых самоубийств

В НОЧЬ СО СРЕДЫ НА ЧЕТВЕРГ найден труп семнадцатилетнего подростка. Тело обнаружил водитель автобуса, проезжая под Центральным мостом в районе восьми-девяти вечера. Григорий Воронцов утверждает, что, когда обнаружил подростка, тот уже был мертв. Судмедэкспертиза подтвердила, что Владимир Ситков скончался на месте. По расположению тела...

Я откладываю газету, не находя сил дочитать до конца. Холод бежит по спине. Вова учился со мной в одном классе. Я неплохо его знала, мы даже пару раз пересекались на общих мероприятиях, и становится жутко не по себе от того, что теперь и его имя числится в списке шестнадцати погибших за последние четыре месяца.

Я встаю из-за стола и иду к себе в комнату.

Несмотря на приближение зимы, дома царит отвратительная жара. Я распахиваю окно и пытаюсь успокоиться. Однако мысли об изуродованном теле Ситкова не покидают меня. Фотография с места преступления стоит перед глазами: его заломленные руки, лужа крови, посившее от холода лицо. Я встряхиваю плечами.

— Лия, ты не собираешься с нами? — спрашивает мама, и я испуганно вздрагиваю. Она поднимает перед собой руки. — Прости. Не хотела напугать.

— Не могу... — вижу: мертвое тело Ситкова. Вот он жив, вот — мертв. — Я дома останусь.

— Уверена? Мы достаточно часто общались с матерью Вовы, и было бы неприлично отправиться на похороны без тебя. Он ведь твой одноклассник.

— Уже нет. — От своего же ответа, я пугаюсь. Гляжу на маму и чувствую себя ужасно неловко. — В смысле, — добавляю я, заламывая пальцы. — В смысле мне не по душе идти к Ситковым.

— Страшно?

— Ещё как. До сих пор не могу поверить в то, что он умер.

Мама поджимает губы и понимающе кивает:

— Ты права. Некоторые вещи не поддаются объяснениям. И всё же...

— Нет, — отрезаю я. — Пожалуйста, позволь мне остаться дома. Я не хочу видеть слёзы матери Вовы, не хочу смотреть на его фотографии, не хочу есть остывшую еду и поддерживать разговор с незнакомыми людьми. Это чересчур для меня.

— Ладно, — сдаётся она. — В таком случае проследи, чтобы твоя сестра вернулась до девяти. Хорошо? Завтра рабочий день, а вам в школу.

Я киваю и смотрю, как мама выходит из комнаты. Вряд ли она знает, что Карина несколько месяцев подряд приходит домой совсем не к девяти. К тому же я всё чаще замечаю отёки, синяки и порезы на её руках, шее, порой даже на лице. Это пугает меня и жутко злит, но, когда я спрашиваю, где она шляется, Карина улыбается и нагло не отвечает, словно в глубине души радуется новой порции ушибов. Утром сестра обычно замазывает синяки дешевым тональным кремом и, не задерживаясь в одной

комнате с родителями больше чем на две минуты, убега-ет в школу.

Иногда мне хочется схватить её за плечи и сильно встряхнуть. Хочется крикнуть: «Что ты творишь? Почему не слушаешь меня, убегаешь из дома? Ведь в нашем районе каждую неделю пропадают или умирают подростки?» Но она не обращает на меня внимания. Это безумно выводит из себя, потому что я старшая сестра. Я главная, чёрт подери. Но Карина... Видимо, ей наплевать. Совсем наплевать.

Захлопывается входная дверь. Я слежу за тем, как отъезжает машина родителей, и, задернув занавески, решительно выдыхаю. Если сегодня не увижу сестру дома вовремя, придушу её собственными руками.

Затем меня вдруг накрывает странное чувство безысходности. Я ведь догадываюсь, где она и почему на её теле появляются синяки. Но мне не хочется признавать правду. Я упрямо отказываюсь верить в то, что Карина связалась с бандой подростков, которые славятся лишь тем, что у них абсолютно отсутствует чувство страха, совести и морали. Мне противно даже думать о том, что она проводит время с аморальными людьми, с этими животными.

Я протираю руками холодное от пота лицо и неуверенно оседаю на кровати.

Каждый подросток нашего района знает, что, едва наступают сумерки, на улицы выходят *они*.

Банда тинейджеров. Место их гнездования — заброшенный парк аттракционов. Никто точно не знает, что они там делают, чем занимаются, но все уверены: связаться с ними — значит подписать себе смертный приговор. Практически все из числа шестнадцати погибших проводили время с ними, и что теперь? Теперь их тела находят в районе парка и гадают: то ли подростки сошли с ума и решили накладывать на себя руки ради забавы,

то ли их убивают, толкая с моста, топя в реке или ставя подножку на железнодорожных путях.

Мне всегда становится плохо, когда я думаю об убийствах, но сейчас всё по-другому. Сейчас речь идет о Карине, поэтому вместо недомогания я чувствую дикую злость. У меня внутри словно разгорается пожар. Я готова сорваться с места, схватить папино ружье и убить каждого, кто попытается причинить ей вред. И мне плевать на последствия. Я ощущаю огромную ответственность и понимаю, что, сидя дома и сложив руки, позволяю Карине сильнее запутываться в сетях этой банды.

Не знаю, сколько проходит времени. Я плаваю в размышлениях несколько минут или часов, но неожиданно мои мысли прерывает звонок в дверь.

— О да. Слава богу! — чеканю я, выбегая из комнаты. Карина вернулась вовремя. Что ж, она спасла жизнь не только себе, но и мне. Замечательная новость. — Клянись, приди ты ещё минут через десять! — восклицаю я, открываю дверь и вижу на пороге Лёшу.

— Чёрт...

— Чёрт? — удивляется он. — Я так плохо выгляжу?

— Я думала, это Карина, — признаюсь я и пропускаю парня вперед. — Она как всегда задерживается.

— Твоя сестра идиотка. — Он произносит это с явным укором, но я даже не пытаюсь его переубедить. Она идиотка, зачем отрицать? — Ты сказала ей, что те парни опасны?

— Ты же знаешь, что сказала.

— Почему она тогда не дома?

— Откуда мне знать? — Я захлопываю дверь и, волнуясь, заправляю за уши непослушные волосы. — Может, они держат её? Может, она не в состоянии уйти?

— Умоляю тебя...

— А что? Что я должна думать?

— То, что Карина попала в плохую компанию.

Лёша — мой единственный и, пожалуй, лучший друг. Все его слова, выводы — мои слова, мои выводы. Мы неоднократно обсуждали данную ситуацию, я даже просила его поговорить с Кариной. Но всё бесполезно. Такое чувство, что мою сестру посадили на наркотики, и теперь она не может оставаться дома, встаёт и идет за очередной дозой.

— Я думала, ты на похоронах, — тихо протягиваю я и смотрю на Астахова. Его каштановые волосы не уложены, смяты, будто он только проснулся. — Кажется, у Ситковых соберётся вся школа.

— Не для меня такие сборища, — горько усмехается парень. — По мне, похороны — пустая трата денег.

— Почему?

— Сама подумай. Приходят незнакомые люди и начинают говорить об уже мёртвом человеке так, словно он был их лучшим другом. Едят и пьют далеко не вишнёвый компот. К чему всё это? Я считаю, прощаться с человеком должны только близкие. Никого лишнего: родители и лучшие друзья.

— Наверно.

Астахов кивает и бредёт на кухню. Там по-хозяйски наливает себе воды и вновь поворачивается ко мне:

— А ты чего не пошла?

— По той же причине, что и ты, — сажусь за стол. — Меня тошнит от похорон. Не люблю мероприятия, в которых главную роль исполняют покойники.

Лёша усмехается и протирает руками лицо. Только сейчас я замечаю, что парень выглядит уставшим. Задумываюсь: «Может, он подавлен смертью Вовы? Они иногда общались на перемене, но вряд ли это сделало их друзьями».

— Послушай, Лия, — медленно начинает он, и я выплываю из мыслей. — Мы должны что-то сделать, иначе потом будет поздно.

— О чём ты?

— Я о Карине.

— И что ты можешь сделать? Моя сестра сошла с ума, и единственное, чем мы можем ей помочь, упрятать её в психушку.

— Понимаешь... Я уже сталкивался с таким! — с горечью признаётся парень. — Ничем хорошим подобные вещи не заканчиваются, поверь мне.

— Я знаю.

— Так что давай расскажем твоим родителям.

— О, давай! А потом нас с Кариной обеих не будут выпускать из дома до сорокалетия.

— Но тогда она хотя бы останется цела, понимаешь? — Лёша подходит ко мне и смотрит в глаза так серьёзно, что я буквально ощущаю, как на мои плечи ложится всё больше ответственности. — Твои родители многое пережили. Им было очень плохо, когда ты лежала в больнице.

— Но я...

— Не перебивай меня. Дослушай. — Он выдыхает. — Им было очень трудно, Лия. Я видел это. Твоя мать не находила себе места, каждый день прощалась с тобой и жила в страхе, что ты не очнёшься. Не позволяй ей пережить это снова.

— Не нужно мне напоминать. Пусть я не помню, что было до моего пробуждения, но отлично запомнила, что происходило после.

Мне больно слышать о больнице. Больно думать о ней. Сразу чувствую запах лекарств, иголки в руках и жуткий страх. Я пролежала в коме две недели, а когда очнулась, осознала, что из моей памяти выпал год. Целый год жизни, полной каких-то ощущений, событий, эмоций. Он просто исчез! Доктора сказали, что я потеряла память от сильного удара по голове. Позже я узнала, что упала с пятиэтажного здания. Все называли мое вы-

здоровление чудом, я же считала это некой стеркой, которой воспользовалась моя судьба, желая избавиться от чего-то плохого и ненужного. С тех пор прошло четыре месяца. Я полностью восстановилась, жизнь стабилизировалась, но мне до сих пор кажется, что это «ненужное» было чем-то важным. Чем-то слишком близким и родным.

— Лия, — Лёша как всегда выводит меня из транса своим серьёзным и взрослым тоном. — Ты должна что-то сделать, иначе мы потеряем Карину. Нам с тобой известно, что она так долго не с подругами веселится, играя в шахматы. Нужно действовать!

Его слова действуют на меня словно красная тряпка на быка. Я вдруг понимаю, что единственное, чем могу помочь сестре, это самостоятельно вызволить её оттуда.

— Хорошо. Тогда я иду в парк.

Я резко срываюсь с места и иду в свою комнату. Когда я натягиваю на плечи тёплую кофту, рядом появляется Лёша.

— Ты меня неправильно поняла! — растерянно восклицает он. — Я имел в виду — давай обратимся к взрослым, привлечём полицию, но никак не давай разберемся сами!

— А мы и не будем разбираться сами. — Парень облегченно выдыхает, и тогда я продолжаю: — Ты со мной не идешь, так что разбираться я буду одна.

— Что?!

— Будь на связи, — я несусь по коридору и останавливаюсь у двери, чтобы надеть пальто. — Я позвоню, если что-то пойдет не так.

— То, что твоя сестра идиотка, мы уяснили, но ты ведь в своем уме! Куда собираешься? — Лёша недовольно хватается за локоть: — Ты никуда не пойдешь!

— Карина в опасности, и ты прав — я должна что-то сделать.

— Но ты ничего не можешь! Господи, Лия, ты обычный подросток. Что ты сможешь предпринять против целой банды?

— Я не знаю, — честно признаюсь я и всплёскиваю руками. — Я надеюсь, что у меня получится просто схватить сестру за шиворот и по-тихому притащить домой. Затем мы спокойно обсудим её поведение, она пообещает больше не шляться с этой бандой, и мы мирно уснём под звуки завывающего ветра за окном.

Я открываю дверь, но Лёша тут же закрывает её и становится перед выходом:

— Ты спятила.

— Господи, Лёш. Просто верь мне! — горячо протягиваю я. — Я не знаю, почему, но мне кажется, что я поступаю правильно. Ты... — протираю руками лицо, — ты же знаешь, что это так. У меня нет выхода. Я должна помочь Карине, и тебе меня не остановить.

Парень думает несколько секунд.

Затем он уверенно выхватывает из моей руки ключи от квартиры и смотрит на меня так серьёзно, что мне становится не по себе.

— Во-первых, одна ты никуда не пойдёшь. Во-вторых, до парка в это время ходит мало автобусов, и моя помощь тебе понадобится в любом случае. В-третьих, — он тяжело выдыхает и открывает дверь за своей спиной. — Прости меня за то, что я позволяю тебе это сделать.

— Спасибо, — я кладу руку на плечо парню. — Спасибо тебе.

— Рано меня благодарить, — грустно протягивает Лёша, и мы выходим из квартиры. — Будем праздновать, когда вернём твою сестру домой. — Через минуту он добавляет: — И если вернём.

— Не говори так, — я иду на несколько шагов впереди и чувствую, как его взгляд прожигает мне спину. — Мы вытащим Карину.

— Всё слишком серьёзно. Эта банда опасна. Думаешь, ребята из нашей школы пропадают, потому что теряются в округе Питера? Они умирают, Лия!

— Не нагнетай обстановку.

— Я просто хочу, чтобы ты понимала, на что идёшь.

— Конечно, я понимаю.

— Тогда почему ты ещё не звонишь родителям?

— Потому что после разговора с ними и мне, и Карине придётся туго, — недовольно чеканю я и отталкиваю дверь подъезда. — Неужели ты не понимаешь, насколько сильно изменится наша жизнь, узнай они правду? Карине запретят выходить из дома, а мне перестанут доверять, так как я упорно, несколько недель подряд говорю маме, что сестра приходит домой рано. Но что, если Карина не в таком плохом положении, как мы думаем? Что, если сейчас мы придём за ней, и на этом всё закончится? В этом случае привлекать родителей бессмысленно.

— А что, если всё именно так, как мы с тобой предполагаем? — устало спрашивает Лёша и открывает мне дверь своего нового черного «рено». — Что, если твоей сестре не хватит только нашей помощи?

— Вот тогда и привлечём родителей, — садясь, заключаю я.

— Мы идиоты, как и твоя сестра! — восклицает парень и закрывает за мной дверь. Затем он обходит машину, садится за руль и вновь отрезает: — Идиоты, и точка!

— Я и не спорю, — усмехаюсь я, хотя смех неуместен. Я смотрю на друга, на то, как напряжены его плечи и как крепко пальцы сжимают руль, какое испуганное выражение на его лице, и снова смеюсь: — Лёш, прекрати!

— Что? — недоуменно спрашивает парень. — Что не так?

— Прекрати волноваться!

— А ты прекрати смеяться. Мой испуг хотя бы оправдан.

— Прости. Нервы.

Лёша грустно улыбается и громко выдыхает:

— Мы с тобой отличная команда. Возможно, всё пройдет безболезненно.

— Мне ужасно жаль, что я втянула тебя.

— Я сам втянул себя, так что не начинай. Лучше подумай, что мы с тобой будем делать. Каков план, кэп?

— Ну... — Я смотрю в окно, на размазанную картину города, и прикусываю губу. — У меня нет чёткого плана. Мы просто должны найти Карину, вывести её из парка и, если понадобится, силой затащить в машину.

— Ты, наверное, забыла, что вокруг твоей сестры будет много недружелюбных людей.

— Я помню, но надеюсь, что сегодня у них будет хорошее настроение.

— Какой отличный план! — с сарказмом восклицает Лёша. — Теперь я уверен, что мы уйдём живыми!

Я закатываю глаза и понижаю на сиденье. Астахов прав: план паршивый. Но что я могу против банды оголтелых преступников?

Уверенность начинает испаряться. Захотелось крикнуть Лёше, чтобы тот сильнее нажал на газ, иначе вместо адреналина мною завладеет паника. Но я молчу. Пялюсь в окно и не могу шевельнуться.

Когда Астахов останавливается около ворот парка аттракционов, я чувствую, что сводит живот. Мне становится по-настоящему страшно, как бывает, если смотришь фильм ужасов один, в темноте, со звуком на полную громкость. Пальцы мёртвой хваткой держатся за одеяло, глаза смотрят вперёд, тело отказывается повиноваться.

Я сейчас испытывала нечто похожее.

В голове возникают вопросы: «Что я здесь делаю? Кому пытаюсь что-то доказать?» Я не нахожу ответов.

— Готова? — Голос Лёши доносится будто издалека.

Не понимаю, как киваю, как выхожу из машины, как иду в парк. Разум отказывается принимать тот факт, что я решилась на подобное, но сердце упрямо тянет меня вперёд.

Сначала я слышу музыку: дикий рок, металл, похожий на скрежет железа. Музыка становится громче, по мере того как мы приближаемся к аттракционам, затем просто оглушающей. Впереди показываются люди, много людей. Раза в три больше, чем я предполагала, и у меня потеют ладони.

— Надень капюшон, — командует Астахов, и я послушно натягиваю капюшон на лицо. — Нам незачем выделяться.

— Как их много, — шепчу я, и мои глаза широко раскрываются: я вижу толпу, стоящую около заброшенного колеса обозрения.

Люди смеются, кричат, разбрызгивают по сторонам пиво. Кто-то танцует, кто-то лежит на ледяном асфальте, кто-то кричит или дерётся: полный хаос, изумительная свобода, которая не приносит ничего хорошего. Все без исключения одеты в темную одежду. У многих татуировки, у кого-то даже пирсинг. Боже мой, это секта? Надо найти Карину и сваливать.

— Полностью с тобой согласен.

— Разделимся? — Мой голос уверенный, так что Лёша кивает и удаляется от меня в противоположном направлении.

Если бы он знал, что творится у меня внутри! Не отошёл бы от меня ни на шаг.

Я выдыхаю и приближаюсь к толпе.

Значит, так выглядит знаменитая банда. Свора пьяных подростков, которая не в состоянии контролировать себя и свои желания. В каждом из них я вижу потенциальную угрозу. Им абсолютно плевать, что я прохожу рядом или пробираюсь вглубь их норы, но они в любой

момент могут сорваться, как дикие собаки. И тогда мне придётся несладко.

Оглядываюсь и вижу костёр рядом с будкой, где когда-то продавали билеты. Костёр не просто большой, а огромный. Языки пламени тянутся к тёмному небу и освещают всё вокруг на десятки метров. Несмотря на то что я стою на приличном расстоянии от огня, чувствую безумное тепло, и мне хочется подойти ближе, согреться ещё сильнее.

Внезапно толпа начинает расступаться. Меня сносит волной в сторону и прижимает к какому-то толстому парню. Не думаю, что он замечает. Образовывается некая дорожка. Я вытягиваю шею, чтобы увидеть, для кого её сделали, но не могу подняться на носочки. Все стоят так близко, что я пугаюсь, как бы не задохнуться.

Неожиданно толпа начинает кричать: «Шрам! Шрам! Шрам!» Люди поднимают руки вверх, девушки дико визжат, а парни рычат, словно одичавшие звери. Поднимается гул. Толстый незнакомец резко взмахивает руками, и на меня едва не выливается его пиво. Он не обращает на это внимания. Впрочем, я не удивляюсь. Лишь пытаюсь отойти в сторону, но это оказывается просто.

— Шрам! — орёт он. — Шрам! Ты его видишь? — Он неожиданно смотрит на меня, но я примерзаю к месту. — Видишь его? Он уже пришёл?

Он? Удивленно вскидываю брови. Шрам — это человек?

Девушки рядом со мной визжат, будто их проткнули ножом. Означает ли это, что пришёл тайный предводитель?

— Чушь, — бросаю я и собираюсь продолжить поиски Карины, но вдруг все затихают.

Недоуменно останавливаюсь. Какого чёрта? Почему никто не двигается с места? Наступает такая мертвая тишина, что самым громким звуком оказывается биение